

Николас
СПАРКС

Николас
СПАРКС

Дневник памяти

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44
С71

Серия «Романтика любви»

Nicholas Sparks
THE NOTEBOOK

Перевод с английского А. Панасюк
Художественное оформление А. Орловой

Печатается с разрешения издательства Warner Books, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 Дневник памяти : [роман] / Николас Спаркс;
[пер. с англ. А. Панасюк]. — Москва: Издательство
АСТ, 2015. — 254, [2] с. — (Романтика любви).

ISBN 978-5-17-079745-5

Это — не «любовный роман», а роман о любви. О любви
обычных мужчины и женщины — таких, как мы...

Почему же книга эта стала абсолютным бестселлером во
всем мире?

Почему она трогает душу читателей самого разного возраста
и интеллектуального уровня?

Как Николасу Спарксу удалось повторить сенсационный
успех «Истории любви» и «Неспящих в Сиэтле»?

Почему фильм, снятый по роману «Дневник памяти», имел
огромный успех во всем мире?

Объяснить это невозможно.

Прочитайте «Дневник памяти» — и поймете сами!

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

© Nicholas Sparks, 1996

Школа перевода В. Баканова, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Эта книга увидела свет благодаря двум потрясающим людям, и я хотел бы поблагодарить их за то, что они сделали.

Тереса Парк, литературный агент, — спасибо за то, что вытащили меня из тьмы на свет. За доброту, терпение и долгие часы работы со мной. Никогда не забуду то, что вы для меня сделали.

Джеми Рааб, издатель, — спасибо за мудрость, юмор и великодушие. Вы очень мне помогли, и я счастлив называть вас своим другом.

*Кэти, моей жене и другу,
с любовью посвящается*

ЧУДЕСА

Кто я такой? И чем, хотелось бы знать, закончится моя история?

Солнце только что взошло, а я уже сижу у окна, и дыхание моей уходящей жизни туманит стекло. Ну и видок у меня, наверное: две рубахи, теплые штаны, шея замотана шарфом, концы которого заправлены в теплый свитер — тридцать лет назад его связала мне одна из дочерей. Термостат в комнате жарит на полную, и, однако, в ногах у меня стоит еще один маленький обогреватель. Он пощелкивает, рычит и плюется горячим воздухом, словно миниатюрный сказочный дракон, а мне все равно холодно. Последнее время холод не покидает меня ни на минуту, причина тому — мои восемьдесят лет. «Восемьдесят!» — иногда думаю я, и хотя сама цифра не пугает, тем не менее забавно, что я не могу согреться с тех пор, как президентом был Джордж Буш-старший. Интересно, все ли мои ровесники чувствуют то же самое?

Прожитая жизнь... Трудно объяснять такие вещи. Когда-то я надеялся, что каждый мой день будет расцвечен новыми красками. Такого, к сожалению, не произошло, но и тоскливой мою жизнь не назовешь. Больше всего она напоминает удачно купленную акцию — хорошая сделка, выгодная, курс повышался день ото дня, а я ведь по опыту знаю, что далеко не каждый может похвастаться подобным. Поймите правильно — я обычный человек с обычными мыслями и жизнь прожил самую обыкновенную. Мне не поставят памятник, имя мое скоро забудется, и все же я познал любовь, и мне этого достаточно.

То, что происходит со мной сегодня, романтики назвали бы мелодрамой, а циники — трагедией. Сам я всегда считал, что в жизни сплелись и первое, и второе, и вообще, как там ни назови, мой путь — это мой Путь, и я о своем выборе не жалею. Не жалею ни о самом Пути, ни о том, куда он привел. Сотня других причин способна заставить меня стонать и жаловаться, но эта — никогда. Ни разу не допускал я даже мысли о том, что моя жизнь могла сложиться иначе.

Старость — плохой помощник, она пытается сбить с курса. И хотя Путь лежит передо мной такой же

прямой, как и раньше, теперь он усыпан булыжниками и гравием, набравшимися за долгую жизнь. Всего три года назад я мог не обращать на них внимания, а теперь не выходит, как ни стараюсь. Тело мое изуродовано болезнью, я не здоров и не силен и сам себе напоминаю забытый где-нибудь в углу после праздника воздушный шарик — сдувшийся, дряблый, бесцветный.

Я кашляю, шурясь на часы. Пора. Покидаю свое место у окна и, шаркая, пересекаю комнату, не забыв захватить со стола блокнот, хотя все, что там написано, давно знаю наизусть. Сую его под мышку и выхожу из комнаты. Путь начался.

Шагаю по кафельным плиткам — серовато-белым, как мои седые волосы, как волосы большинства живущих здесь людей, хотя сейчас я иду по коридору в одиночестве. Остальные еще в своих комнатах, наедине с телевизором, они привыкли к этому, так же как и я. Человек ко всему привыкает, дайте только срок.

Вдалеке слышится сдавленный плач. Я знаю, кто это плачет.

Меня замечают медсестры, мы улыбаемся друг другу, желаем доброго утра. Мы все здесь друзья,

часто болтаем о том о сем. Я знаю, что за спиной они шушукаются обо мне и о ритуале, которому я следую каждый день. И вот сейчас я вновь слышу:

— Вон он! Опять пошел.

— Сегодня все должно быть неплохо.

Правда, ни одна из них ничего не говорит в глаза. Думаю, сестры боятся разволновать меня, и, наверное, они правы.

Через минуту я приближаюсь к комнате. Дверь открыта специально для меня, как и каждый день. В комнате еще две медсестры, они улыбаются, когда я вхожу. «Доброе утро», — бодро приветствуют они, я тоже здороваюсь и не забываю спросить, как детишки, как школа, скоро ли каникулы. Мы словно не обращаем внимания на непрекращающийся плач. Здесь к такому привыкли, привык и я...

Я сажусь в кресло, которое принимает меня в свои объятия. Медсестры почти закончили — хозяйка комнаты уже одета, но все еще плачет. Она немного успокоится, когда персонал уйдет, я-то знаю. Утренние процедуры всегда вгоняют ее в уныние, и сегодняшний день не исключение. В конце концов занавеска у кровати отодвигается, и медсестры направляются к двери. Проходя мимо, обе улыбают-

ся и легонько похлопывают меня по плечу. Что бы это значило?

Несколько минут я просто сижу и смотрю на нее, однако ответного взгляда не дожидаясь. Неудивительно — она ведь не знает, кто я такой. Для нее я чужак, незнакомец. Чуть-чуть отворачиваюсь и, склонив голову, молюсь — прошу у Господа сил, которые мне ой как понадобятся. Я всегда верил в Бога и в силу молитвы, хотя теперь, когда конец уже близок, частенько задаюсь вопросом: воздастся ли мне по вере моей, когда я окажусь там, по другую сторону жизни?

Вот я и готов. Очки — на нос, лупу — на стол, открываю блокнот. Приходится дважды лизнуть искореженный палец, чтобы потерянная страничка наконец открылась. Теперь беру лупу в руки.

И как всегда, перед началом чтения меня беспокоит один-единственный вопрос: выйдет ли у меня сегодня? Я никогда не знаю этого наверняка, и, в сущности, это не имеет значения. Вероятность, а не уверенность — вот что ведет меня по пути, иногда я напоминаю себе азартного игрока. Можете считать, будто я мечтатель или глупец, но я верю: в этом мире все возможно.

Да, наука против меня. Правда, наука тоже не все знает, я понял это давным-давно. И поверил, что чудеса — не важно, сколь невероятными и необъяснимыми они кажутся, — случаются, кто бы что ни говорил. И поэтому сегодня, как и каждое утро, я начинаю читать вслух: громко, чтобы слышала плачущая женщина, в надежде на то, что чудо, однажды явившееся в мою жизнь, придет снова, пусть и ненадолго.

Может быть, сегодня?

ДУХИ ПРОШЛОГО

Теплым октябрьским вечером 1946 года, сидя на веранде, со всех сторон опоясывающей дом, Ной Кэлхоун любовался закатом. Он с удовольствием оставался здесь в сумерки, отдыхая после тяжелого трудового дня и позволяя мыслям течь, куда им заблагорассудится, вольно, без всякой цели. Эту привычку Ной унаследовал от отца.

Больше всего ему нравилось смотреть на деревья и на их отражение в водах реки. Природа Северной Каролины особенно хороша осенней порой — все оттенки зеленого, красного, золотого, оранжевого. Разноцветная листва пылала яркими цветами, вспыхивая на солнце, и Ной в который раз подумал о прежних хозяевах дома — интересно, а сидели они вот так на веранде, любуясь окружающей красотой?

Дом построили в 1772 году, это было одно из старейших и крупнейших зданий в Нью-Берне. В свое время в нем жил местный плантатор, а Ной купил дом сразу